

Под ногами радостно хрустел снег. Горы, что стоят вокруг села, как стражи, тоже укутались в белые снежные шубы. Меседу легко поднималась по лестнице. Она не чувствовала тяжесть полного водой кувшина. Душа радовалась тому, что ей не пришлось долго стоять в очереди за водой. Многие пропускали ее, зная, что несет воду теткам-инвалидкам. Но некоторые ворчали. По этой причине иногда приходилось простаивать в очереди, в холо-

де, час и дольше. Родительский дом она снабжала водой утром рано, когда женщин у родника бывает мало...

Она уже успела очистить ступеньки инвалидов от снега, принесла им воду, и можно спокойно идти домой. Где она должна готовить уроки и взяться за рукоделие. Зимой, как обычно, к ним приходит одинокая соседка, чтобы коротать время у печки и тетей. Меседу очень любит блюдо годи. В большой кастрюле, вместе смешав, варят зерно пшеницы, кукурузы, фасоль и черные бобы. Перед подачей туда добавляют соль, мелко нарезанный лук и тертый сыр.

«Видимо, я проголодалась, раз думаю только о еде», – подумала Меседу. Она набирала воду инвалидкам сразу после занятий в школе.

Вот она поднялась на открытый балкон теток. Скинула обувь и, не снимая со спины кувшин, открыла дверь в прихожую. Дверь ударялась о висящий над нею колокольчик. Меседу любила этот звон. Как вошла, сразу она почувствовала приятный запах духов. Этот запах всегда витал в доме теток. В то время в селе очень немногие ими пользовались. Когда Меседу сокрушалась, что у них дома не так приятно пахнет, мама ее утешала:

– Мы же топим печку кизяком. Билет на дрова дают только инвалидам. И у нас нет денег на духи.

Один раз тети отдали ей пустой флакончик от духов. Он был маленьким и красивым. Меседу тайком от мамы вынимала его из-под подушки и перед сном любовалась флаконом и приятным запахом, приоткрыв крышку. Мама запрещала ей что-нибудь принимать от теток.

– Помочь немощным – это долг каждого мусульманина. Пусть Аллах нас вознаградит, – говорила она.

Меседу поставила кувшин и, не снимая пальто, заглянула в комнату, желая поздороваться, перед тем как уйти. Обстановка в комнате у них была намного лучше, чем у других сельчан. В то брежневское время немногие име-

ли в селе такие богатые ковры, покрывала и шторы. Потому, наверно, она всегда смущалась от такого великолепия и старалась поскорее уйти. Да тетки ее и не удерживали.

Девушка зашла, но никто ее не заметил. Все рассматривали красивые платки, спорили о ценах. Одна из женщин писала на листке бумаги цены и названия сел.

Меседу хотела уйти, но задержалась, услышав, как прозвенел телефон. Пока молодая тетка-инвалидка с костылем пробиралась к подоконнику, где стоял телефон, одна из женщин подняла трубку. Старое, морщинистое лицо женщины выразило изумление и крайнее смущение. Она ладонью прикрыла сеточку на трубке, чтобы не услышала та, что звонила, и шепотом говорит:

– Халисат! Это Халисат!

Молодая тетка еще не добралась до телефона. А тетка, что постарше, сияя от радости, учит ее, как надо отвечать:

– Скажи: милая, дорогая, всегда желанная, – пропела полная румяная пожилая женщина певучим голосом.

«Она никогда ко мне не обращалась так нежно, с такой улыбкой», – подумала Меседу.

Сияла вся и молодая тетя. Взглядом гордых глаз, улыбкой и сиянием на лице они обе как бы говорили присутствующим: «Вот видите, какие люди нам звонят! Вот с какими мы водимся!»

Тетка взяла трубку и, как поучала старшая, начала радостным певучим голосом:

– Халисаточка, милая, дорогая, всегда желанная... – Вдруг она запнулась, лицо стало суровым, от того сияния, улыбки и радости не осталось и следа. – Нет, не приехала, – сказала она в трубку холодно и надменно.

Со злостью, будто трубка во всем виновна, со стуком поставила ее на аппарат и села у окна на большой сундук, покрытый очень красивым ковром.

– Что такое? Это не Халисат? – спросила старшая тетья.

– Да, Халисат, только не райкомша, а эта... Ну, эта, дочка швеи.

При этих словах лицо выражало презрение, как будто она говорила о чем-то очень гадком.

– Как ты могла перепутать ту Халисат с этой презренной?! – с негодованием спросила старшая тетья ту женщину, что подняла трубку.

– Она поздоровалась не на сельском языке, а по-русски: «Здравствуйте, это Халисат». Вот я и подумала... Голос уважаемой райкомши я еще не слышала, она же только недавно переехала в наше село, – оправдывалась та, виновато моргая глазами.

– Поехала на месяц к родственникам в город и уже говорит по-русски, – негодовала разочарованная старшая тетка, очень недовольная дочкой сельской швеи. Девушка-односельчанка была виновата только в том, что оказалась тезкой райкомши.

Меседу как зашла, так и вышла никем не замеченная. Она, видимо, была для них тоже презренная бедная родственница. По матери эти тети приходились ей дальними родственницами. Куда-то ушла из сердца та утренняя радость от чистого снега, хрустящего под ногами, от возможности помочь пожилым больным родственницам. Был нарушен душевный покой.

Надо же, вот, оказывается, какими они были на самом деле. А то всякий раз, когда она с мамой относила им картошку с их участка, который обрабатывала мама «за вознаграждение Аллаха», прибеднялись, какие они немощные, чуть не плакали.

Как пришла домой, Меседу сразу вышвырнула даренный ей пустой флакон духов.

«Мне не нужен их запах», – сказала она про себя.

Ей было жаль ту Халисат, что хотела купить у них платок. А они продавали их только в соседних селах, боясь, что их обвинят в спекуляции.

«А райкомше, наверно, сами послали бы домой, да только у нее, конечно же, таких много», – подумала девочка.

Когда Меседу сказала маме, что больше никогда не будет таскать воду теткам и не станет полоть их поле, копать им картошку, отец ее обрадовался.

– Наконец-то ты увидела их истинное лицо, – сказал он торжествующе. – Сколько раз я говорил тебе, – обратился он к жене, – не приучай моих детей к рабству, у них и так много работы на наших участках и по уходу за скотом.

– Рабству?! Помочь больным старым людям ради Аллаха – это рабство?! Аставфир Аллах (прости Аллах)! Это ты говоришь оттого, что они мои родственницы, будь они твоими, запел бы по-другому.

– Аллах велит жене слушаться мужа, а ты...

«Вот, началось», – подумала Меседу, выходя из комнаты. Такие ссоры из-за теток не раз в семье бывали и раньше, но мама не переставала помогать теткам...

Одна из теток через несколько лет умерла. А та, что постарше, дочери забрали к себе в город. Мама в отсутствие их смотрела за домом и участком теток-инвалидок. Старшая тетка в городе тяжело заболела. Мама узнала, что она просит, чтобы ей принесли воду из сельского родника. После долгих споров отец разрешил матери Меседу поехать в город с родниковой водой посетить больную родственницу.

Вернулась мама из города очень печальная. Все думали, что она печальна, потому что родственница больна. Однажды днем Меседу увидела, как она долго смотрит на свои мозолистые, с трещинками от полевых работ

руки и такие же пятки ног и плачет. Она плакала неслышно. Только было видно, как вздрагивали ее плечи и капали слезы то на руку, то на пятку. Меседу удивилась. Мама очень редко плакала. Она считала, что все от Аллаха, потому надо все невзгоды принимать со смирением, быть довольным своей судьбой. Девочка подошла к ней, подняла ее опущенное, мокрое от слез лицо и поцеловала в щеку. Мама обняла ее молча. Немного покачиваясь в обнимку с ней вправо и влево, она приговаривала:

– Хорошо, что ты у меня есть, ты никогда так не скажешь.

– Ты о чем, мама?

– Да так, ничего, – сказала мама, стараясь улыбнуться.

– Мама, скажи, что случилось, прошу тебя.

– Так обидно, так стыдно... – Опять она стала плакать. – Не могу рассказать, если кто-нибудь услышит, особенно отец... – выдавила женщина сквозь рыдания.

Меседу опять обняла ее, и они долго молчали. Когда мама совсем успокоилась, Меседу выведала у нее «тайну».

– Так брезгливо встретили меня в городе высокомерные дочери тетки. Брезгливо посмотрели на мои мозолистые руки с трещинками и прямо в лицо ехидно сказали: «Таких рук даже собаки голодные не захотят понюхать!» Я от стыда не знала, что делать, что сказать. Они на ночь, как собачке, мне на полу постелили старое теткинo пальто. Я знаю, все делала ради Аллаха, не за их благодарность, но... так относиться к родственнице, вообще к человеку...

– Мама, я бы на твоём месте не стала бы стыдиться этих бесстыжих. Я бы им сказала, что руки потрескались, выращивая им картошку, которую они с удовольствием каждый год ели! – Меседу была в бешенстве. Черные глаза метали искры, щеки пылали.

Сейчас, наоборот, мама успокаивала ее.

– Мама, ты правильно говорила, что запах кизяка тебе нравится, что он напоминает тебе детство. Мне тоже он приятнее запаха духов, и твои мозолистые руки красивее всех белых изнеженных рук лентяек. – Девочка целовала руки мамы, говоря это.

Она проворно поднялась, поставила на керосинку чайник с водой, а перед мамой алюминиевый тазик. Налив туда согретую воду, стала мыть ноги мамы.

– Опустит в мыльную воду и руки, мама. Я куплю тебе вазелин, будешь мазать, трещинки все пройдут, – говорила девочка.

Мама слушалась ее и смотрела на дочь с большой любовью и с благодарностью.

– Мама, почему она – твоя старшая тетка – и ее дочери такие гордые? Считают себя наибовскими?

– Я совсем девчонкой осталась круглой сиротой. Отца и старших братьев как наибовских отправили в Сибирь, отняли отцовский дом. Мама не вынесла все эти беды и вскоре умерла. Меня вырастила и воспитала старшая сестра, которую ты называешь «старшей теткой и дальней родственницей».

– С самого детства я так считала. Ведь никто из ее дочерей никогда не посещал тебя – свою родную тетку, когда приезжал на несколько дней в село.

– Я сейчас только поняла, что они меня с детства держали в доме как прислугу. Самая старшая ее дочь и я – ровесницы. Моя старшая сестра всем своим девочкам дала образование, а я всегда была занята уборкой, готовкой и полевыми работами. Твой папа был прав, мне надо было его слушаться...